

Данил Казаков

Девка-матушка

Жители деревни задолжались молодой
продавщице 20000 рублей

16+

Данил Казаков
Девка-матушка

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Казаков Д. В.

Девка-матушка / Д. В. Казаков — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Девушку направили в деревню работать продавцом. Ей определили на квартиру. Она помогает колхозникам садить картошку, хозяйке и её сыну заготавливать сено. Дальше девушка, жалея женщину, продаёт ей в долг хлеб. Следом хитростью у неё покупают хлеб в долг и другие жители. Она верит жителям и дальше продаёт им в долг водку, халаты, мебель. Накаплиется долг в 20 тысяч. Немаленькая сумма по тому времени. Председатель отказывается помогать продавщице.

Поиски работы

Город жил напряжённой, насыщенной жизнью. Дымили заводские трубы, ехали машины, торопились по своим делам прохожие, домохозяйки выносили мусор, из детского сада шли парами дети, даже серая маленькая собачка тоже куда то спешила. А не высокая, стройная девушка уже битый час стояла перед доской объявлений, всё не решалась зайти в магазин. На неё ни кто не обращал внимания, не приметна она, как тусклый день поздней зимы.

Серые облака заполнили небо, темнеют в снежной мгле озябшие ветки деревьев. Серая шубка на девушке, серая шапка, чёрные, растоптанные сапоги и большие рукавицы. Унылый взгляд Лены безнадежно скользит по объявлениям. Продаётся дом, квартира, дача, и нет ни одного объявления, где бы требовались работники, лучше всего продавцы. Острые скулы, тонкие губы, маленький аккуратный нос и большие карие глаза, в которых затаилась безысходность.

Девушка не спеша поднимается по ступенькам, ведущим в магазин, тяжело вздыхает, открывает двери и трусливо жмётся к витрине, как обычная покупательница, а не просительница. В ногах предательская дрожь, руки слабеют, голос теряется. И всё же Лена спрашивает близко подошедшую к ней продавщицу.

– К вам работники не требуются?

Та спешила с дежурной, любезной улыбкой, скорбно поджала губы, торопливо ответила: нет!

Отказ прозвучал отчётливо, решительно и обычная работа продавца стала для Лены ещё более желанной и престижной. Она медленно развернулась и побрела домой в стоптанных сапогах по сырому снегу.

Школа позади, училище позади, первая любовь тоже позади. Впереди её ожидает (по плану) работа (свои деньги), любовь (настоящая), ребёнок. Так мечталось, но всё застопорилось, повисло на месте. Живёт сейчас Лена словно на обочине жизни. Вокруг неё все что то делают, а её не берут на работу, не нужна, все места продавцов заняты или нужны с опытом работы. А где ей этот опыт взять? Нужны грузчики, сторожа, няни и уборщицы. Идти туда девушке не хочется: и зарплата мала, да и возня с ведром и тряпкой тоже не велика радость.

Сначала, прошедшим летом и с осени, Лена говорила о своих трудностях радостно, громко, вполне уверенная в сочувствии матери и сестры.

– Сейчас работу найти очень трудно, – соглашалась с дочерью Ольга Ивановна.

– Да, очень трудно, – утверждала и сестра Яна, работающая вместе с матерью в садике. – Цены высокие, а зарплата маленькая. Как хочешь – так и живи.

Постепенно в их отношениях вкралась разобщённость. Лена по-прежнему не могла найти работу и ощущала свою причастность только к словам родных, а не к их делам. Вечерами мать уже не сокрушалась о трудностях устройства на работу, а Яна прямо говорила, что в садике не хватает нянечек. Неплохо Лене, хотя бы временно устроиться туда. Быть няней или уборщицей, ходить в чёрных халатах, повязать голову белым платком девушке очень не хотелось. Они казались ей из другой, низшей касты. Лена призирила и тут же жалела их. А теперь ей придётся стать одной из них? Из жалости к себе она расплакалась и в слезах заснула. Но, следующий день круто изменил её судьбу.

В зелёном здании службы занятости Лена как всегда ожидала встретить равнодушное отношение к себе и надоевший набор вакансий. Но строгая женщина, перекладывая бумаги на столе, явно замаялась с ответом. Она перебирала Ленины документы, барабанила пальцами по стеклу, придирчиво смотрела на девушку, сомневаясь с решением. Лена, как гончая собака, насторожилась, почуяв «добычу»

– Нужна заведующая магазином, – услышала Лена, – в деревню Осокино. Зарплата две тысячи и квартиру вам оплатят. Старушка живёт рядом с магазином, на квартире у неё учи-

тель стоял, теперь вот продавца согласна взять. Для сотрудницы предложенный вариант хуже работы уборщицы. Зарплата маленькая, ответственность большая, жильё не благоустроенное, не даром ни кто туда работать не идёт.

А Лена слышит другое: будет она получать не меньше Яны, жить отдельно и Осокино всего то в 30 километрах от города, и не будет над нею начальников. То, что взрослый, умудрённый опытом, человек под деревней подразумевал глушь, общество недалёких людей и отсутствие удобства, Лена воспринимала, как лёгкую романтику. Деревенский люд она тоже не считала умным и образованным. Но, в её понимании он и должен быть таким: глуповатым, наивным, простодушным и бедным, чтобы она, горожанка, могла кое – чему научить его, в чём то помочь, посоветовать.

– Я поеду! – с энтузиазмом согласилась девушка, – я окончила торговое училище, я давно уже совершеннолетняя!

– Поезжай! – с облегчением вздохнула сотрудница и выписала ей направление.

Ольга Ивановна и Яна отнеслись к сообщению Лены с явным недоверием, с затаённой радостью и облегчением. Не верилось, что их Лена, хрупкая и слабая, сможет жить отдельно, отвечать за целый магазин товаров. Всё же такая перспектива казалась заманчивой. Лена держалась уверенно, стремилась, уехать в деревню, и Ольге Ивановне удалось убедить себя, что, её дочь, такая строгая и трудолюбивая, вполне справится с высокой для неё должностью. Послушность и молчаливость дочери она определила более подходящими для данного случая чертами характера, как твёрдость, строгость, уверенность. Отъезд сестры устраивал и Яну, которая сейчас оставалась одна в комнате. Они постарались затушевать свою радость и совесть неопределёнными советами.

– Смотри, там осторожней, поздно не гуляй, пьяным двери не открывай, и хозяйку, как её?

– Аксинья, – подсказала Лена.

– Вот-вот, Аксинью слушайся, да с деньгами осторожней.

– Там не миллионы, – успокоила их Лена, – заплату колхозникам мало платят, они почти один хлеб и берут.

Первые покупатели

Под магазин в Осокино был приспособлен обширный деревенский дом, состоящий из одной большой комнаты с железной печью посередине. К стенам прибиты толстые доски, сделан прилавок, на который поставили весы и положили деревянные счёты. Втроём, с экспедитором и товароведом в одинаковых синих халатах, они вымыли пол, протёрли полки, разложили товар, писали новые ценники. Два дня вешали, считали, писали накладные. Обе они тяжело вздыхали, словно отправляли родственницу в дальний путь, озабоченно напоминали.

– смотри, тут в мешках соль, здесь сахар, не перепутай. Там, в ящике гвозди. Бакалея на нижних полках. Халаты повесь повыше, они красивые, может, кто и купит, хотя вряд ли, но тебе выручка нужна.

Лена тоже казалась озабоченной, хмурила лобик, снова пересчитывала мешки и ящики, тяжело вздыхала. Но, оставшись одна, обвела взглядом полки полные товара, осмотрела ящики, коробки, с крупой, печеньем, карамелью, шоколадными конфетами и душа её наполнилась гордостью. Такое богатство! И она может полностью им распоряжаться! Может примерить любой красивый китайский халат, пройтись в нём по полу – и ничего с товаром не случится. Может взять любую карамельку – не убудет. Возможность распоряжаться товаром окрылила её. Ей не нужен был ни халат, ни карамелька, радовала лишь сама возможность, пусть временное обладание этим товаром. Лена даже не много пожалела, что сейчас нет дефицита вещей и продуктов, и роль продавца стала не престижной. Не потому ли в самой деревне не нашлось желающих.

Действительность жизни в деревне несколько разочаровала её. Серые бревенчатые избы с пристройками, с сараями, банями, хлевушками, которые иной раз прячутся под черёмухами, беспорядочно, не соблюдая ровной линии, разбросаны вдоль подтаявшей дороги. Деревенские жилища соединены между собой забором, который они называют здесь огородом. Такой забор состоит из тонких жердей, положенных вдоль и скреплённых между собой при помощи пары кольев и гибких прутьев. Огород заканчивался скрипучими воротами, примыкающими к магазину. Вокруг деревни тянутся безликие поля с темнеющими на горизонте не ровными вершинами деревьев. Перед Аксиныным домом, стоящим с краю деревни протекает узкое озеро, по берегам его густо растёт черёмуха и густой шиповник. У магазина растёт высокая берёза, а вдали у фермы высятся три ёлки. По деревне носятся злые собаки, над полями кружатся птицы, с серого неба сыплет мелкий дождик. Скучно.

Лена посмеивалась над счётами, над железной печкой, которую приходил топить бобиль Тимофей. Все намёки на романтику испарились. Сейчас она боялась обсчитаться, что то пропустить, снова пересчитывала мешки, коробки, ящики. Просматривала бельё, посуду, пару стульев.

Покупатели для Лены все на одно лицо. Все скучные, не приветливые, в серых фуфайках, старых пальто, в резиновых сапогах или в валенках с калошами. На голове серые шали, шапки из кролика или овчины. Молча станут у прилавка и стоят, товар разглядывают. А ещё городские из местных придут и глядят на неё сочувственно, с высоко. Вот, мол, мы из деревни убежали, а ты в городе не смогла задержаться – сюда приехала.

– Худющая, – рассуждают между собой пожилые, – такую и на ферму не поставишь, и в огород не больно пошлешь, и на покосе от неё тоже мало толку. Деревенские жители осуждали Лену за хрупкость, малый рост, и уж, конечно, не мечтали учиться у неё уму – разуму. В деревне ценилась сила, они не любили слабых и маленьких, подозревая под ними болезнь и слабость.

– Эта, как наш Колобок, только в конторе ещё, буди, сможет работать, бумажки перебирать. Колобка, колхозного председателя, они тоже не уважали и не боялись, и всё меньше считали себя обязанными выполнять колхозную работу. Причина проскальзывала в бормотании старух, в недовольстве мужиков.

– Денег всё не дают, а когда их дадут один чёрт знает!

– К лету, может и дадут, а то выйдем, как мамонты.

– Им чо, – толкуют не весело, – им (начальству) хоть сейчас выйри, и не почешутся.

– Магазин словно в насмешку открыли, а на чо мы будем покупать? На какие шишы?

Иногда требовали показать платья. Лена с готовностью бросалась выполнять приказание, выкладывая на прилавок одно, второе, третье. Платья рассматривали, мяли в руках материю, небрежно откидывали обратно. Лена, огорчённо вздыхала, аккуратно складывала их опять, жалея больше не платья, а не состоявшихся покупателей. Их сердитые лица и печальные глаза огорчали её. Покупали иногда карамели грамм сто, печенья, крупы, сахарного песка. Покупали мало и не охотно. Лена решила проявить инициативу и сама обратила их внимание на халаты. Бабы сгрудились, потянулись тёмными шершавыми руками гладить шелковистую ткань.

– Мягкая, красивая, такую после баньки только и надевать.

– Знамо, не каждый день, а только по праздникам.

Лица их просветлели, на губах заиграла улыбка.

– Сколько стоит? – спросили с надеждой, а узнав цену, резко одёрнули руки, рассмеялись, – нам такие деньги, девка, и за год не платят.

– Это, может, только Егор возьмёт своей Анне.

Снова нахмурились, затосковали. Лена ощутила свою ненужность, бесполезность для этих людей. Она боялась их отчуждения, ей хотелось заслужить их уважения, хотелось, чтоб в

ней нуждались и благодарили её. Но, для себя своё желание, Лена выразила более романтично, как желание служить людям и быть полезной им.

Раз в неделю привозили хлеб. Очередь собиралась за час раньше. Рассаживались на ступеньках крыльца, на широкой скамье, неожиданно вытаявшей у стены магазина, на толстых чурбаках, прикаченных от ближайших домов. Садилась на верхние жерди огорода, смотрели вдаль, высматривая машину. На берёзе копошились воробьи. Их робкое чириканье заглушалось говором толпы, криком детей, лаем собак. Лена готовилась быстро принять товар и быстро, умело продать его. Предстоящая работа настораживала и радовала её. Она с не меньшим нетерпением ждала машину и даже чувствовала себя виноватой за её задержку.

Наконец, машина приезжала, спрыгивали с огорода первыми увидевшие её парни. Становилось чуть тише, выстраивалась неровная очередь. Люди доставали свои кошельки, озабоченно считали деньги. У Лены на стене на уровне глаз, научили добрые люди, чётко выделена цена одной буханки чёрного, одной буханки белого, двух буханок, трёх... с такой таблицей считать легче.

Вид длинной очереди радовал и пугал Лену. Радовало множество людей, нуждавшихся в ней. И пугало их возможное недовольство ею. В тёплой кофте под белым халатом не много прохладно на весеннем ветру, зато ничего не сковывало её движений. Она быстро принимала поддоны с хлебом, успевая на ходу считать их. Люди терпеливо ждали и не толкаясь расплачивались, заталкивая хлеб в свои широкие сумки. Через окно выдачи Лена заметила маленького человека, спешащего к магазину.

– Колобок катится, – рассмеялись бабы, – сейчас всех нас растолкает. Грязь в сторону – говно плывёт.

Человечек подбежал ближе. У него маленькие чёрные усики, большой нос, серые круглые глаза и маленький алый ротик.

– Иди, Иван Макарович, покупай, – расступались перед ним бабы. – У тебя, поди, дел по горло, а мы постоим, мы привычные. Человек сердито глянул на них, справедливо уловив в мнимом почтении насмешку, протянул Лене тысячу рублей. Девушка только глянула на деньги, испуганно прижала ладони к груди

– У меня такой сдачи нет! – её жест рассмешил людей.

– Лико-лико, – хохотали они, продавечка денег испугалась. Уж такую большую денежку ей Иван Макарович принёс, что и ей страшно стало, а мы таких денег и не видели. Дай, хоть издаля поглядеть на такую денежку.

Председатель неуклюже топтался на месте. К магазину подходила ещё одна женщина с ребёнком на руках. Одета она так же как и остальные, но всё же чуть похуже. Фуфайка постарее, валенки растоптанные, подшитые, серый платок сильно изношен. Ребёнок её завёрнут в старое синее пальто с оборванным воротником.

– У Маньки иди разменяй, или займи у неё, – острили в очереди.

– Ха-ха, – шутили бабы, – она тебе даст, держи карман шире.

Женщина неловко улыбнулась, стараясь не обижаться, а тоже наравне с другими посмеяться над председателем.

– Да у меня вошь на аркане, да мышь на цепи. – Проговорила спокойно и села на скамейку. Иван Макарович сердито глянул на Лену, не оправдавшую его надежд, поспешил обратно, видимо домой. Очередь подходила к концу, хлеб заканчивался.

– Ты, девка, Магарычу то оставь, – предупредили Лену бабы, – а то он сильно серчает, когда ему чего то не хватает.

– Какому Магарычу? – не поняла девушка.

– Да, Колобку нашему, – кричали оставшиеся, – один хрен, как не называй, а толку от него, как от козла молока.

Председатель уже подбегал к магазину обратно.

– Мне, как всегда, – он кинул четыре десятки и подставил широкую сумку.

– Сколько?

– Она не давно ещё работает, – пришла на выручку Аксинья, – не запомнила, сколько вашей милости хлеба требуется?

– Четыре и четыре, – буркнул председатель, – чего же тут ещё не понятного. Без понятную какую то послали, даже хлеба ладом подать не может.

Сердился Иван Макарович, где почёт, где уважение? Насмешки одни. Скот на ферме не поен, не доен, а они сидят у магазина целый час, хлеба ждут. А чего его ждать, самим печь надо. В ранешнее то время разве так с председателем обращались? А сейчас совсем распустились люди.

– Иван Макарович, – робко прервала его размышления Манька, единственная не купившая хлеба, – десяточку бы мне дали, до полочки. Хлеба не на что купить, мучную болтушку едим.

– Нет у меня денег, – буркнул председатель, не поворачивая головы, – где я тебе денег возьму? Эти то сам занял. У Ивана своего проси.

– Откуда он возьмёт? Денег в колхозе месяца три уже не давали. А ты у кого занял? Может, там и мне дадут?

– Два месяца лишь не давали, – поправил её председатель, не слушая вопроса, – ничего, Манька, снег скоро сойдёт, на подножный корм перейдём. Проживём, как ни будь, – успокаивал он, неся тяжёлую сумку домой.

Лена поспешно задвинула окошко. У неё осталось пять буханок белого хлеба, который можно отдать и Маньке, но у неё нет денег. А Лена, как любой нормальный человек, очень не любила давать в долг. Из соседнего окна она крадучись наблюдала, как баба с ребёнком уходила прочь. Большие вмятины оставались от её валенок, приминая следы недавно прошедших людей. Длинный рукав старого пальто уныло болтался, словно махал на прощание. Чувство раскаяния посетило девушку: так порядочный человек стесняется есть при голодном.

Квартирантка

Комната у Лены, которую она снимает у Аксиньи, маленькая, уютная с одним окном. Одну стену занимает печь, которую топят из кухни. На полу полосатые дорожки, на стене небольшое круглое зеркало, окаймлённое узором потемневшей бронзы. Над кроватью висят красочные календари разных лет. На них и река течёт, и цветёт черёмуха, и желтеет под синим небом поле ржи. Рядом с кроватью громоздится сундук, куда сложены нехитрые пожитки квартирантки. Обедает Лена у хозяйки.

– Дешевле станет, – уговорила та, – чем лишнею кастрюльку держать. А мне что на двоих готовить, что на троих – разницы нет.

Лена не привередлива и стряпня хозяйки вполне устраивает её. Разносолов нет, зато сытное и свежее. В счёт своего пая девушка отдаёт Аксинье крупу, муку, растительное масло, чай и сахар. Да ещё за её хлопоты заносит дрова, воду, по субботам моет пол. Баню топят вместе и ходят вместе. Аксинья боится горожанку одну пускать – вдруг ей в бане плохо станет? Лена и сама боится – вдруг из под полки банник выскочит?

Дом у Аксиньи высокий, просторный. Кроме кухни, двух комнат, через маленькие сенки есть ещё две комнаты. Там живёт Андрей, внук хозяйки, высокий, широкоплечий парень с копной русых волос. С наступлением тепла он стал умываться в холодных сенках. Стягивал рубаху, и шумно плескаясь мялся до пояса.

– Опять наточил, – ворчала Анисья, вытирая за ним пол. Молчаливый внук натягивал рубаху, проходил на кухню.

За столом, в углу, у окна у него стояла прочная табуретка. Андрей садился на неё, клал жилистые, сильные руки на стол, ждал. За окном, после зимней спячки просыпалось озеро. Бледнел лёд, темнее становились снега по берегам. На косогорах, у стволов черёмух, уже чернели первые проталинки, как прорехи обветшавшего одеяния холодной зимы. По проталинкам бродили шустрые воробьи. Осмелевшее солнце, забравшись повыше, сильнее освещало тёмные стволы черёмух, косматые кусты шиповника, одинокую иву, берёзы, изгибы берегов. Всё здесь, до последнего кустика знакомо Андрею. Помнит он, где растёт вкусная ягода, где колючий кустарник, где сгребал копны сена или пахал землю под пашню. В короткие минуты отдыха Андрей наблюдал изменения в природе. На стене тихо бормотало радио, не беспокоя его. Под окном, на вытаявшем мусоре копошились куры, на столбе палисадника приютилась кошка, на просохшей дорожке развалилась серая собака Буська. Анисья ставила перед внуком тарелку горячего, жирного супа, нарезала толстыми ломтями хлеб. Андрей молча выхлёбывал и снова смотрел в окно. Анисья наливала снова и опять тарелка опустошалась. После третьего раза Андрей сам отодвигал тарелку подальше и сам наливал себе чай или молоко. После его ухода на кухню выходила Лена и они с хозяйкой садились завтракать.

– Ушёл, – вздыхала Анисья, – опять с трактором возится, а что толку? Запчастей нет, солярки нет. Магарыч вчера говорил, что или солярку купят, или зарплату выдадут. Деньги, девка, ещё за тот год не все выдали. Нельзя не дать! И без солярки как? Нельзя не купить! Как же раньше деды прадеды наши на лошадёнках справлялись. А сейчас машины есть – голодом живём.

Аксинья любила говорить о прошлом. В тёмном цветастом платье с широким фартуком она походила на добрую старушку из сказки. При ней Лена старалась одеться построже: юбка подлинней, кофточки без смелого выреза, брюки пошире, потемней.

– Это поле, – кивала Анисья за озеро, – раньше нашим было. Мой дед на нём хлеб растил. Хорошее было поле, чистое и ровное. А когда его в колхоз забрали, то овраг на нём образовался. Ольховник в том овраге, черёмушник и шипица выросла.

Овраг Лена разглядела. Он показался ей даже живописным и удобным. Хорошо, наверно, среди поля спрятаться на черёмухе от жары и поесть там вкусных ягод.

– А другие поля тоже кому то принадлежали?

– Нашим же, деревенским. По ту сторону деревни Новикова Ильи поля были. Внук его весь на деда похож, что повадками, что обличьем. Алексеем зовут, такой же ухватистый, работающий. Оттягал дедовы поля у колхоза, сам теперь на них работает.

– Один? Он, что – фермер? – спросила Лена. Про фермеров она читала только в книжках.

– Почему один? Одному с полями не справиться. Семья у него: он, жена, сын, да сестра Верка, да племянник Пашка. Верка то, ох и хитрая bestия, раньше ещё до перестройки, всё болела, по больницам шастала. А сейчас и не чихнёт ни разу, двух коров держит.

– Умеют люди, – проговорила Лена, повторяя слова матери о людях, которые жили лучше её.

– Так-так, – согласилась Анисья, – потому, как на себя работают. Мой вымахал под потолок, а ума то чуть. Робит, робит, а получает шиш.

– А где его родители?

– В Омске. Они хорошо живут. Ещё двое детей у них. Андрей с младенчества слабым рос. На свежее молочко, на свежий воздух его сюда привезли, а он у меня прижился, и уезжать не захотел. Вымахал под потолок, иной раз в сенках разойтись тесно.

Губы старухи тронула улыбка.

Андрей

Шло время. Лена привыкала к своему новому житью. Она меньше скучала, её уже волновали местные, мелкие события и новости. Вторник и пятница – хлебный день. Она теперь понимала, что люди собираются у магазина не только из за хлеба, а им просто интересно пообщаться вместе. Лена уже набралась кое-какого опыта и не волновалась при виде покупателя, будь это сам Иван Макарович. Она сразу выставляла ему четыре белого и четыре чёрного, и он, удовлетворённо хмыкнув, скидывал хлеб в сумку. Снова пришла Манька с ребёнком и не села, как обычно в сторонку, а с охотой подошла к очереди, предлагая откусить им от каравая чёрного хлеба.

– Сама пекла, – хвалилась Манька, – дрожжей нет, так я на кислом квасе квашонку растворила.

– Молодец, Манька! – наперебой хвалили её мужики и бабы, отламывая от каравая по кусочку. Хвалили насмешливо, предлагая освоить выпечку хлеба на дому, стать конкурентом хлебозаводу. – Ватрушки будешь пекчи, шанешки, торты.

Каравай у Маньки пресный и непропеченный. Многие, крадучись, бросали остатки собакам. Присмирившая Манька вскоре ушла обратно.

Появилось множество птиц. На берёзах копошились воробьи, по крышам домов сновали вороны и галки, по жердям огородов скакали сороки, а ещё летали синички, грачи вышагивали по полям, из ближнего леса доносился голос кукушки.

– Я никогда не видела такого обилия птиц, – писала Лена домой, – они будят меня по утрам. Хозяйка выставила вторые рамы, и совсем-совсем рано, ещё ночью поют петухи в деревне.

На берегу озера, на припёке выглянули из земли круглые пятаки мать-и-мачехи. Среди пожухлой старой травы жёлтые пятнышки притягивали взгляд. Хотелось нагнуться и осторожно погладить их. Наверно я деградировала, усмехалась про себя Лена, раз меня радуют такие мелочи.

– Я ни куда по вечерам не хожу, – писала родным, – да и некуда ходить. Школа в соседней деревне, маленькая больничка, почта тоже там. Хозяйка вкусно и дёшево кормит. Люди здесь простые, доверчивые.

Деревенские жители вовсе не казались ей простыми и доверчивыми, она просто хотела видеть их такими, тем самым представляя себя опытной, бывалой, самостоятельной. На самом деле Лена научилась непринуждённо с ними разговаривать о быстрой весне, о задержке зарплаты, о природе, о своей семье, об Аксинье. Других тем у неё не находилось. Да и эти темы поверхностны. Лена плохо знала жизнь жителей своей деревни.

Она плохо разбиралась и в людях. Андрей по утрам теперь поднимался пораньше, опережая квартирантку, заносил воду и дрова. Лена истолковала его поступок по своему и прибавила к обеду банку солёных огурцов (всё ровно ни кто не брал), лаврового листа и мягкой карамели. Аксинья ещё заметила, как внук её замирает при виде девушки, нервно барабанит пальцами по столу и старательно смотрит в окно, когда Лена рядом. Он забросил свои рубашки и накупил модные сейчас футболки, старательно подстригся. Ещё Аксинья уловила от него приятный слабый запах, но может быть, ей показалось. Влюбился, точно определила старуха.

Аксинья с давних лет, когда Андрейка ещё в школу бегал, высматривала себе невестку. И как не редко случается, ни одна из местных девушек не подошла её умному, ненаглядному, тверёзому внуку. Но, в отличие от многих мам и бабушек, Аксинья с готовностью приняла бы любую девушку, стремясь по мере сил и возможности „переделать“, её в лучшую сторону. Лену Аксинья не осуждала за её малый рост, за худобу, а потихоньку стала приучать её к своему хозяйству. То двух поросят покажет, попросит, принести им свежей соломки.

– Мы, девка, всегда двух поросят откармливаем. Одного сами едим, второго сдаём на мясо. Тёлку ещё сдаём, картошку, на те деньги и живём. На колхозные то деньги не больно разживёшься. В колхозе месяца три уже ничего не платят.

Потом показала, как курочек кормить, где яички собирать.

– Детей то много у вас? – полюбопытствовала.

– Двое нас с сестрой.

– Хозяйство большое?

– Нет, мы в квартире живём. – Она рассказала про отца, который лет пять как ушёл от них, про работу сестры и матери, про свои поиски работы.

Не прошенный гость

Где то в середине мая, Лена только что заснула, как проснулась от чужого взгляда, от чужого присутствия в комнате. Она открыла глаза и заметила в проёме двери силуэт высокого мужика. Пьяно покачиваясь, он направился к ней, ухватился за душку кровати, громко поздоровался, старательно выговаривая все буквы.

– Здравствуйте, Лена!

Девушка, убеждённая в своей защите, не испугалась. Она лишь поспешно поднялась, накинула тёплый халат, старательно застегнула пуговицы, с любопытством наблюдая за парнем. Пьяниц Лена не любила и немного боялась их, они были другого, чуждого ей мира. Тот мир ей не знаком, а потому и любопытен. И если она ни чем не рискует, то почему бы ей не познакомиться с ними поближе. Лена узнала в парне Мишку-почтальона. Его серые, выходные брюки сильно измялись, воротник у серого полосатого свитера сваялся в жёсткий жгут, слипшиеся тёмные волосы закрывали лоб. Сегодня деревенские сильно гужевали: колхоз выплатил кое-какие деньги, да ещё Мишка разнёс пенсии.

– Я тебе сегодня большую выручку сделал! – с вызовом поведал он.

– И что теперь? – с интересом спросила Лена, ожидая услышать известную цену о расплате натурой. Тогда она назовёт его негодяем и пьяницей и выгонит из комнаты. Но, Мишка обманул её надежды.

– Теперь? – растерялся он, – а что теперь?

Он явно ожидал благодарности, ибо по всей деревне, куда он заходил, его радостно встречали.

– Выручку тебе бооольшуую сделал, – снова повторил он, всё ещё надеясь на ожидаемую им реакцию. – Вот и тебе решил подарок купить.

Мишка вернулся к дверям и достал из сумки большую бутылку с красноватой жидкостью.

– Вот! – он торжественно потряс бутылкой, – для тебя! Для баб специально, красненькая, красненькая.

Продавечка вела себя, по мнению Мишки, совсем не понятно. Она не обрадовалась ни ему, ни бутылке, хотя он сделал ей хорошее – оказал уважение. В деревне ни одна девка не указала бы ему на дверь. Ведь, красненькое слабое вино и бабам в самый раз. И как можно не выпить на халяву, – это было выше Мишкиного понимания.

Меня уже принимают за свою, горько подумала Лена, врываются среди ночи, приносят бутылку. Мишкино признание её, как себе равной, Лене явно не понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.